

Научная статья

Научная специальность

5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки»

УДК 347.132.6

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2024.3.51>

НЕДОСТАТКИ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ПРЕЗУМПЦИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕГОВОРОВ О ЗАКЛЮЧЕНИИ КОНТРАКТА

© Райников А. С., 2024

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Установлено, что различие объективной и субъективной добросовестности требует разных подходов к доказыванию обстоятельств, относящихся к каждой из них. Доказано, что объективная добросовестность исключает установление в отношении нее каких-либо презумпций. Выявлено, что субъективная добросовестность, напротив, основывается на предположении о добросовестности субъекта. На примере переговоров о заключении контракта показаны различия в доказывании обстоятельств, относящихся к объективной и субъективной добросовестности. Доказано, что возложение на ответчика бремени доказывания добросовестности в отношении предоставления стороне неполной или недостоверной информации и внезапного и неоправданного прекращения переговоров лишено юридического смысла. Установлено, что норма, возлагающая такое бремя, носит случайный характер и не имеет аналогов в законодательстве стран континентального права. Сформулирован вывод, согласно которому посыл о существовании универсальной презумпции добросовестности становится причиной ошибочных законодательных решений в отдельных сферах.

Ключевые слова: презумпция добросовестности, объективная и субъективная добросовестность, проблемы доказывания, переговоры о заключении договора.

DISADVANTAGES OF THE GENERAL-PURPOSE PRESUMPTION OF GOOD FAITH BY EXAMPLE OF CONTRACT NEGOTIATIONS

© Raynikov A. S., 2024

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

It is established that the distinctions between good faith in the objective sense and good faith in the subjective sense provide for different ways of proving relevant circumstances. It is proved that there can be no presumption regarding good faith in the objective sense. The study revealed that good faith in the subjective sense, by contrast, is based on the assumption that the subject is bona fide. The difference in proof of two types of good faith is demonstrated by example of contract negotiations. It has been proven that there is no legal sense to place the burden of proving a good faith with regard to breach of duty to inform and termination of negotiations contrary to good faith and fair dealing. It is found that the rule under which such burden is placed is random and has no analogues in civil law countries. A conclusion has been formulated according to which the general-purpose presumption of good faith becomes the cause of erroneous legislative decisions in various fields.

Keywords: presumption of good faith, good faith in the objective sense and good faith in the subjective sense, problems of proving, contract negotiations.

Одной из самых упоминаемых презумпций в сфере частного права является презумпция добросовестности. Ее утверждение связывается с изменениями, внесенными в ст. 10 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)¹ в рамках реформы кодекса [3]. Разработчики поправок полагали, что указание добросовестности участников оборота в числе основных начал гражданского законодательства (п. 3 ст. 1 ГК РФ) должно сопровождаться «максимальным проведением в жизнь» соответствующей презумпции². В результате на смену первоначальной редакции п. 3 ст. 10 ГК РФ о действии презумпции лишь тогда, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от их добросовестного осуществления, пришло правило п. 5 ст. 10 ГК РФ, согласно которому добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается (во всех случаях).

симальным проведением в жизнь» соответствующей презумпции². В результате на смену первоначальной редакции п. 3 ст. 10 ГК РФ о действии презумпции лишь тогда, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от их добросовестного осуществления, пришло правило п. 5 ст. 10 ГК РФ, согласно которому добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается (во всех случаях).

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2009. № 4. С. 11.

Различия в доказывании обстоятельств, связанных с объективной и субъективной добросовестностью

Внесенные поправки стали объектом критики [6, с. 354–355], поскольку касаются добросовестности в любых ее проявлениях. Между тем известно, что добросовестность бывает объективной и субъективной. В отношении субъективной добросовестности как состояния извинительного незнания о чужих правах или фактах [2; 5; 7; 10, с. 7, 332, 195–204, 30] постановка вопроса о презумпции вполне уместна: тот, кто в обоснование своих притязаний ссылается на осведомленность другого лица, должен доказать наличие обстоятельств, свидетельствующих об имевшем место или вменяемом знании.

Объективная же добросовестность как поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации¹ (абз. 3 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»²), не сочетается с установлением в отношении нее каких-либо презумпций. Ведь отсутствие отклонений от ожидаемого поведения исключает апелляцию к доброй совести: как невозможно без всякого на то основания возложить на лицо бремя доказывания того, что оно не нарушает закон, так невозможно и требовать от лица доказывать свою добросовестность. Именно поэтому Верховный Суд РФ указал, что поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным при наличии обоснованного заявления другой стороны либо по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского

оборота от добросовестного поведения (абз. 4 п. 1 Постановления № 25)³.

Выявление отклонений предопределяет необходимость распределения между сторонами бремени доказывания обстоятельств, относящихся к нарушению требований добросовестности (но не возложение всего такого бремени на «подозреваемого») [1, с. 878–879]. Далее действуют общие правила доказывания в гражданском и арбитражном процессе (ст. 56, 61 ГПК РФ⁴, ст. 65, 69, 70 АПК РФ⁵). В связи с этим Верховный Суд РФ не предрешает, кто и что должен доказывать, указывая лишь, что обстоятельства, явно свидетельствующие о недобросовестном поведении, выносятся судом на обсуждение, даже если стороны на них не ссылались (абз. 4 п. 1 Постановления № 25).

Опровержение универсальной презумпции добросовестности в переговорах о заключении договора

Примером ошибочности решения внедрить универсальную презумпцию добросовестности является институт переговоров о заключении контракта. Применительно к ним устанавливается правило о том, что недобросовестными действиями при проведении переговоров предполагаются предоставление стороне неполной или недостоверной информации, а также внезапное и неоправданное прекращение переговоров. В отношении вступления в переговоры или их продолжения при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной – третьего из перечисленных в п. 2 ст. 434.1 ГК РФ видов недобросовестного преддоговорного поведения – аналогичное указание отсутствует.

Такое разделение проявлений недобросовестности вызвало реакцию высшей судебной инстанции. В силу законодательно установленной презумпции (п. 5 ст. 10 ГК РФ) в качестве общего правила бремя доказывания недобросовестности визави по переговорам возложено судом на истца (абз. 2 п. 19 Постановления Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственно-

¹ Такое понимание соответствует континентальной (прежде всего, германской) правовой традиции. Целью добросовестности в объективном смысле является реализация значимых интересов индивидов, общества в целом и государства в ситуации, когда норма права или договор с этой задачей не справляются. Речь идет об обеспечении правового регулирования общественных отношений, исходя из поддерживаемого в обществе поведения участников правоотношений по отношению друг к другу, основанного на здравом смысле и актуальных на данный исторический период ценностях. До недавнего времени отечественная цивилистическая доктрина в целом пребывала в убеждении о том, что добросовестность есть внутреннее состояние субъекта, и лишь с появлением ряда сравнительно-правовых исследований (например, [6]) ситуация начала меняться: утвердилось понимание различий между объективной и субъективной добросовестностью.

² Далее по тексту – Постановление № 25.

³ Данный вывод кажется очевидным, если учесть, что назначение презумпции состоит в том, чтобы устранить «неопределенность относительно факта существования тех или иных значимых для права явлений» [3] или иного поведения при помощи предубеждения.

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁵ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

сти за нарушение обязательств»). Исключение из этого правила действует в отношении предоставления стороне неполной или недостоверной информации и внезапного и неоправданного прекращения переговоров. В названных случаях доказывать свою добросовестность предложено ответчику (абз. 3 п. 19 Постановления).

Смысл приведенного разделения остается неясным.

Рабочая группа по подготовке соответствующих поправок среди признаков недобросовестного проведения переговоров упоминала вступление стороны в переговоры или их продолжение при отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной, а также получение стороной необоснованных благ от использования переданной ей в ходе переговоров информации¹. Презумпция недобросовестности в отношении тех или иных проявлений ненадлежащего поведения в переговорах авторами поправок не предусматривалась.

Не содержалась такого рода презумпция и в тексте внесенного в Государственную Думу законопроекта², где все виды недобросовестного поведения негодантов, вошедшие в итоговую редакцию п. 2 ст. 434.1 ГК РФ, приводились в режиме перечисления без разделения на те, в отношении которых устанавливается презумпция, и на те, в отношении которых презумпция не устанавливается. Подобное разделение впервые обнаруживается лишь в тексте законопроекта, подготовленного Государственной Думой ко второму чтению³. Мотивы внесенных корректив неизвестны.

Не встречается анализируемая презумпция и в актах международной унификации частного права, что вполне объяснимо, ведь обозначенные нарушения относятся к сфере объективной добросовестности, для которой предубеждение совершенно неуместно.

¹ Концепция совершенствования общих положений обязательственного права России // Исследовательский центр частного права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ : офиц. сайт. URL: <https://old.privlaw.ru/sovets-po-kodifikacii/conceptions/> (дата обращения: 19.02.2024).

² Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. до внесения в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 31.01.2012) // Консультант Плюс : справочная правовая система.

³ Проект Федерального закона № 47538-6/9 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (ред., подгот. ГД ФС РФ ко II чтению 12.02.2015) // Консультант Плюс : справочная правовая система.

Так, указание одной стороны на непредоставление другой стороной важных для заключаемого договора сведений (подп. 1 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ) возлагает бремя доказывания обратного на сторону, которая обвиняется в нарушении информационной обязанности. Иное означало бы, что в противоречии с общепринятыми правилами доказывания участнику переговоров нужно подтверждать отрицательный факт (что он не получил от визави полную и достоверную информацию). Если «подозреваемый» настаивает на том, что все необходимое он сообщил, пусть обоснует это относимыми и допустимыми доказательствами. Данный вывод очевиден без обращения к каким-либо презумпциям.

Иначе распределится бремя доказывания в случае, когда участник переговоров будет обвинен в недобросовестном поведении переговоров (подп. 2 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ). Доказать внезапность и неоправданность прекращения переговоров надлежит стороне, которая выдвигает соответствующее обвинение, ибо каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельство, на которое оно ссылается как на основание своих требований и возражений (ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, ч. 1 ст. 65 АПК РФ). «Подозреваемый» оказывается перед необходимостью обоснования правомерности своих действий (или бездействия) лишь при условии, что истец предоставил доказательства их отклонения от объективных критериев поведения, ожидаемого от разумного участника оборота в схожих условиях. Как видно, здесь также действуют не презумпция, а общие правила доказывания.

Таким образом, использование какой-либо презумпции при тестировании поведения негодантов на соответствие объективным критериям неуместно, чего не скажешь о субъективной стороне такого поведения. Внутренняя сторона поведения участника переговоров здесь играет квалифицирующую роль: наличие умысла на причинение вреда другой стороне наделяет недобросовестность признаками деликта; отсутствие такового подчиняет допущенное нарушение нормам об ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение регулятивного обязательства⁴ [8, с. 50–80].

⁴ Отрицание указанного обязательства приводит к явно несправедливым результатам, что обнаруживается в случае причинения предоговорных убытков противоправным поведением привлеченного к переговорам посредника, проявляется при постановке вопроса о влиянии на предоговорную ответственность вины неисправного и пострадавшего негодантов и вопроса о правом основании имущественного предоставления, совершаемого одной стороной в пользу другой стороны на этапе переговоров. Подробнее об этом: [8, с. 50–80].

Закрепленная в п. 5 ст. 10 ГК РФ презумпция добросовестности действует таким образом, что умысел негодяна на причинение другой стороне вреда недобросовестным проведением переговоров требует доказывания подобного умысла потерпевшим. В этом проявляется существенное отличие причинения вреда недобросовестными действиями от обычного деликта, где вина деликтанта предполагается и бремя доказывания ее отсутствия лежит на причинителе (п. 2 ст. 1064 ГК РФ) [9].

Так, в одном из дел банк (кредитор) предоставил хозяйственному обществу (заемщику) кредит, опираясь на сведения о платежеспособности заемщика, полученные от генерального директора и главного бухгалтера общества. Кредит был возвращен лишь частично.

Впоследствии заемщик признан несостоятельным (банкротом). Требования банка включены в реестр конкурсных кредиторов, но по завершении конкурсного производства не удовлетворены в связи с недостаточностью имущества должника.

Кредитор обратился с заявлением о солидарном возмещении ущерба, причиненного невозвратом кредита, к директору и бухгалтеру заемщика, а также к единственному участнику общества, решением которого одобрено заключение кредитного договора. Требования мотивировались тем, что действия указанных лиц были направлены на необоснованное получение обществом кредита при заведомом отсутствии намерения возвращать денежные средства. Это выразилось в умышленном предоставлении ответчиками банку недостоверной информации о наличии у общества значительных (превышающих сумму займа) оборотных активов и дебиторской задолженности.

Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций отказали в удовлетворении иска. Отменяя вынесенные по делу судебные акты и направляя дело на новое рассмотрение, Судебная коллегия ВС РФ указала, что умышленный обман контрагента общества лицом, осуществляющим функции единоличного исполнительного органа общества или иным представителем общества, повлекший причинение вреда контрагенту, может рассматриваться в качестве самостоятельного состава деликта (ст. 1064 ГК РФ).

Для установления неправомочности действий ответчиков необходимо исследование обстоятельств, при которых банку предоставлялась информация о состоянии активов общества и умысла перечисленных лиц в представ-

лении недостоверной информации. Кроме того, при разрешении требований банка надлежит проверить, являлись ли осмотрительными действия самого истца при выдаче кредита и осуществлении им экспертизы сведений, представленных ответчиками (п. 2 ст. 1083 ГК РФ)¹.

В соответствующем определении вопрос о распределении бремени доказывания Верховным Судом РФ не разрешался, но из общей логики судебного акта можно предположить, что умысел ответчиков на причинение вреда кредитору надлежит доказывать последнему, ибо субъективная добросовестность генерального директора и главного бухгалтера должника предполагается.

Однако обстоятельства допущенного нарушения могут склонить суд к возложению бремени доказывания отсутствия умысла на деликтанта. Для этого недобросовестность должна иметь такие проявления, которые обычно немыслимы в отсутствие умысла. Иллюстрацией данному тезису служит следующая ситуация.

Девелопер, осуществляющий строительство крупного офисного центра, привлекал для финансирования строительства кредитные денежные средства. В подтверждение способности обслуживать кредит банку предоставлялись предварительные договоры аренды, заключенные девелопером с ключевыми (якорными) арендаторами будущего центра.

В кредитный договор включено условие о том, что возбуждение судом дела по исковому заявлению об оспаривании предварительного договора аренды с любым из якорных арендаторов является основанием для предъявления банком требования о досрочном возврате девелопером суммы кредита.

В ходе переговоров о заключении предварительного договора один из арендаторов получил от девелопера в составе конфиденциальной информации копию кредитного договора.

В процессе строительства на рынке недвижимости наступил кризис, приведший к существенному снижению арендных ставок на офисные помещения, в связи с чем один из ключевых арендаторов обратился к девелоперу с предложением изменить предусмотренную предварительным договором стоимость аренды в направлении уменьшения. Девелопер ответил отказом.

В целях склонения контрагента к принятию новых условий на одном из совещаний аренда-

¹ Пункт 27 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2019) : утв. Президиумом ВС РФ 17 июля 2019 г. // Консультант Плюс : справочная правовая система.

тор пригрозил девелоперу предъявлением иска о признании заключенного ими предварительного договора аренды недействительным и направлением определения о принятии судом искового заявления к производству в адрес банка, с тем чтобы банк потребовал досрочного возврата кредита, в результате чего девелопер не сможет завершить строительство в запланированные сроки.

Описанная ситуация, имевшая место за несколько лет до появления ст. 434.1 ГК РФ, не получила развития, что не мешает рассмотреть ее в контексте действующих норм. Сегодня подобное поведение арендатора попало бы в сферу действия нормы об ответственности за ненадлежащее использование неогоциантом для своих целей полученной от другой стороны в ходе переговоров конфиденциальной информации (п. 4 ст. 434.1 ГК РФ). Реализация арендатором своей угрозы вынуждала бы квалифицировать его действия как шикану, т. е. осуществление гражданского права с намерением причинить вред другому лицу (п. 1 ст. 10 ГК РФ). При этом постановка арендатором вопроса, например, об уменьшении размера ответственности по причине проявленной потерпевшим грубой неосторожности и отсутствии умысла арендатора на причинение вреда (п. 2 ст. 1083 ГК РФ), вероятнее всего, привела бы к возложению судом бремени доказывания отсутствия умысла именно на арендатора. К такому выводу подталкивают обстоятельства допущенного нарушения: предполагается, что у арендатора, не находящегося в правоотношениях с банком, не было иных мотивов для направления банку судебного определения, кроме намерения причинить вред контрагенту, с которым арендатор находится в состоянии конфликта. И если действия арендатора преследовали иные цели, разумно предложить ему представить доказательства наличия таких целей.

Выводы

Институт переговоров демонстрирует недостатки принятого в ходе реформы ГК РФ решения закрепить универсальную презумпцию добросовестности. Это решение отражается в регулировании множества гражданских правоотношений, испытывающих на себе влияние объективной добросовестности: в идентификации дополнительных и охранительных обязанностей участников обязательства (п. 3 ст. 307 ГК РФ), в ограничении противоречивого поведения (п. 5 ст. 166, п. 3 ст. 432 ГК РФ) и др.

Неуместность соответствующей универсальной презумпции пока не получила всеобщего признания, презумпция объективной добросовестности все еще обнаруживает своих сторонников [4]. Лучшим способом преодолеть инерцию пореформенного взгляда на распределение бремени доказывания относящихся к добросовестности обстоятельств является изучение механизма действия категории добросовестности при регулировании конкретных отношений. Наглядным примером в этом смысле служит правоотношение, возникающее на этапе переговоров о заключении контракта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут, 2020. 1102 с.
2. Белов В. А. К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: критический анализ правоприменительной практики. М. : Волтерс Клувер, 2006. 86 с.
3. Булаевский Б. А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений : монография. М. : ИЗиСП, 2013. 238 с.
4. Васильев А. С., Мурзин Д. В. Субъективная добросовестность в гражданском праве: функции, степени, презумпции // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
5. Виндшейд Б. Учебник пандектного права : пер. с нем. / под ред. С. В. Пахмана. СПб. : Изд. А. Гиероглифова и И. Никифорова, 1874. Т. 1 : Общая часть. 332 с.
6. Нам К. В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого опыта : дис. ... д-р юрид. наук. М., 2021. 472 с.
7. Петражицкий Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. М. : Статут, 2002. 248 с.
8. Райников А. С. Отношение, возникающее при проведении переговоров о заключении договора по российскому праву: антиделиктная концепция // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23, № 2. С. 50–80.
9. Тололаева Н. В. Ответственность за недобросовестное ведение переговоров // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
10. Whittaker S., Zimmermann R. Good faith in European contract law: surveying the legal landscape // Good Faith in European Contract Law / S. Whittaker, R. Zimmermann (eds.). Cambridge University Press, 2000. 30 p.

REFERENCES

1. Asoskov A.V. et al. *Osnovnyye polozheniya grazhdanskogo prava* [Basic provisions of civil law: article-by-article commentary to articles 1-16.1 of the Civil Code of the Russian Federation. Resp. ed. A.G. Karapetov. Moscow, Statute Publ., 2020. 1102 p. (in Russian)]
2. Belov V.A. *K voprosu o nedobrosovestnosti nalogoplatel'shchika: kriticheskiy analiz pravoprimenitel'noy praktiki* [On the issue of taxpayer's bad faith: a critical analysis of law enforcement practice]. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2006, 86 p. (in Russian)]
3. Bulaevsky B.A. *Prezumptsii kak sredstva pravovoy okhrany interesov uchastnikov grazhdanskikh pravootnosheniy: monografiya* [Presumptions as a means of legal protection of the interests of participants in civil legal relations: monograph]. Moscow, IZISP Publ., 2013, 238 p. (in Russian)]
4. Vasiliev A.S., Murzin D.V. *Sub'yektivnaya dobrosovestnost v grazhdanskom prave: funktsii, stepeni, prezumpitsii* [Good faith in

the objective sense in civil law: functions, degrees, presumptions]. *KonsultantPlyus : spravochnaya pravovaya sistema* [ConsultantPlus: legal reference system]. (in Russian)

5. Windshade B. *Uchebnik pandektnogo prava* [Textbook of pandect law]. Transl. with German. Ed. by S.V. Pahmana. St. Petersburg, Publishing house A. Gieroglyfova and I. Nikiforov, 1874. vol. 1, General part, 332 p. (in Russian)

6. Nam K.V. *Printsip dobrosovestnosti. Osnovy teorii i pravoprimeneniya v kontekste nemetskogo opyta* [The principle of good faith. Foundations of theory and law enforcement in the context of German experience]. Cand. sci. diss. Moscow, 2021, 472 p. (in Russian)

7. Petrazhitsky L.I. *Prava dobrosovestnogo vladeltsa na dokhody s toчек zreniya dogmy i politiki grazhdanskogo prava* [The rights of a bona fide owner to income from the points of view of dogma and civil law policy]. Moscow, Statute Publ., 2002, 248 p. (in Russian)

8. Raynikov A.S. *Otnosheniye, vznikayushcheye pri provedenii peregovorov o zaklyuchenii dogovora po rossiyskomu pravu: antideliktная kontseptsiya* [Legal relationship arising during negotiations under the Russian law: anti-tort concept]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law], 2023, vol. 23, no. 2, pp. 50-80. (in Russian)

9. Tololaeva N.V. *Otvetstvennost za nedobrosovestnoye vedeniye peregovorov* [Responsibility for negotiations contrary to good faith]. *KonsultantPlyus : spravochnaya pravovaya sistema* [ConsultantPlus: legal reference system]. (in Russian)

10. Whittaker S., Zimmermann R. Good faith in European contract law: surveying the legal landscape. *Whittaker S., Zimmermann R. (eds.) Good Faith in European Contract Law*. Cambridge University Press, 2000, 30 p.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024; одобрена после рецензирования 26.05.2024; принята к публикации 04.09.2024.

Received on 27.02.2024; approved on 26.05.2024; accepted for publication on 04.09.2024.

Райников Артём Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Институт юстиции, Байкальский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11); адвокат, управляющий партнер, Адвокатское бюро «Райников, Андреев и партнеры» (Россия, 664025, г. Иркутск, бульвар Гагарина, 68в), ORCID: 0000-0001-5268-4588, РИНЦ AuthorID: 1206254, e-mail: raynikov@gmail.com

Raynikov Artem Sergeevich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law and Process, Institute of Justice, Baikal State University (11, Lenin st., Irkutsk, 664003, Russian Federation); Lawyer, Managing Partner of Raynikov, Andreev and Partners Law Office (68B, Gagarin blvd, Irkutsk, 664025, Russian Federation), ORCID: 0000-0001-5268-4588, RSCI AuthorID: 1206254, e-mail: raynikov@gmail.com